

Прежде чем Сун Шу успел что-то сказать, его отец уже взял инициативу в свои руки и заговорил.

«Изначально я видел, что генерал Лу молод и талантлив, очень хороший человек. Когда он увидел, что наша семья в беде, он даже устроил Шу-эр на работу. Но какой смысл быть хорошим чиновником? Мой Шу-эр был так влюблен в него, что даже готов был родить ему ребенка, но он видимо так высоко себя ценит, что захотел обручиться с дочерью губернатора, так что он действительно бессердечный человек».

«Как по мне, так я еще в добром здравии и могу подрабатывать, чтобы содержать семью, так что он может воспитывать ребенка один, не беспокоясь. Я прошел через то же самое, нам не нужен помощник!»

Как и полагается человеку, который смог воспитать Сун Шу в одиночку, отец Сун говорил довольно четко, с гордостью.

Сун Шу возмущенно посмотрел на отца: «Папа, что ты говоришь, когда я был влюблен в него?»

Он сердито замолчал.

«Думаешь твое маленькое сердечко может обмануть отца?», - отец Сун не проявил слабости: «Я человек бывалый, когда я родил тебя, у меня тоже была мания величия, я думал, что тот мерзавец любит меня и никогда не бросит. Только потом это постепенно прошло».

Сун Шу обнял ребенка и отвернулся: «Я больше не хочу с тобой разговаривать, ты говоришь глупости».

Цяо Си улыбнулся, слушая их ссору, и, подумав немного, решил, что ему все же стоит немного защитить Лу Цзяна: «Но, насколько я понял, там все не так. Помолвка генерала Лу с дочерью губернатора была всего лишь недоразумением, он не собирался на ней жениться. Тем не менее, ты не хочешь встретиться с генералом Лу?»

Сун Шу покачал головой: «Как и сказал отец, я могу сам воспитать ребенка. Мы уже так долго не виделись, неважно, по какой причине, это значит, что нам действительно не суждено быть вместе, поэтому расставание будет полезно и для меня, и для него».

Цяо Си вздохнул, больше не уговаривая его. Раз уж Сун Шу решает сам, значит, все в порядке.

Пока они разговаривали, снаружи послышался звук толкаемой двери, развернувшись они увидели, что гостем был Дунфань Шу.

Дунфань Шу приехал в Лер из Цзюньфэна вместе с отцом Сун Шу.

Цяо Си не ожидал его прихода и поспешил поприветствовать.

В руках у Дунфань Шу была пара маленьких башмачков: «Я не знал, что подарить ребенку, но башмачки сделала Инь Тао, чтобы подарить ребенку удачу».

Сун Шу поблагодарил его с некоторой формальностью.

Дунфань Шу положил маленькие башмачки в колыбель ребенка и после минутного колебания предложил: «Могу ли я увидеть ребенка?»

«Конечно», - Сун Шу намеревался передать ему ребенка.

Однако Дунфань Шу поспешно отказался: «Лучше ты держи, а я посмотрю, я боюсь уронить его».

Сун Шу взял ребенка на руки и слегка наклонился к Дунфань Шу.

Ребенку было всего несколько дней от роду, и, кроме того, что он был маленьким комочком, был довольно милым. Малыш Мяо Мяо уже считался симпатичным, по крайней мере, глаза у него были большие и похожие на виноградины.

Однако Дунфань Шу смотрел на него очень внимательно и даже не удержался, чтобы не ткнуть пальцем в его мягкое лицо.

«Насколько я помню, Его Величество тоже был таким в детстве».

При этих словах из глаз Дунфань Шу потекли слезы ностальгии.

Услышав, как Дунфань Шу упомянул о детстве Хэ Чжао, Цяо Си мгновенно заинтересовался и поспешно спросил: «Как выглядел Его Величество в детстве?»

Дунфань Шу опустил глаза и напустил на себя мрачный вид: «Вообще-то, я уже не помню. После рождения Его Величества я только раз взглянул на него».

Для него существование Хэ Чжао было живым доказательством того мрачного и унижительного времени.

Покойный император держал его в просторном и роскошном дворце, отправив более двадцати придворных прислуживать ему, а на самом деле для надзора.

Он не имел титула, жил в гареме, не мог контактировать с другими, дворцовые слуги

постоянно присматривают за ним, чтобы не допустить ничего лишнего. Каждый день приходят врачи, чтобы убедиться, что сын императора цел и невредим в его утробе.

Ребенок в животе становился все больше и больше, а Дунфань Шу все больше худел.

В конце концов даже врач по фамилии Кан не выдержал, сострадая, желая поговорить с ним о некоторых более интересных для столицы вещах, чтобы отвлечь его.

Когда родился сын, отчаяние и неприязнь Дунфань Шу достигли апогея, он лишь взглянул на ребенка и поспешно позволил слугам унести его.

Позже покойный император, испытывая давление придворных, а также думая о лице императорской семьи, решил, что поместить фаворита-мужчину в гарем действительно некрасиво, не говоря уже о том, что как «родная мать» наследника может быть мужчиной, как написать это на нефритовой табличке?

Дунфань Шу воспользовался этой возможностью, и попросил покинуть дворец. В конце концов, покойный император вспомнил, что он только что родил, и наконец отпустил его.

Таким образом, после этого одного взгляда Дунфань Шу никогда не видел ребенка Хэ Чжао.

Цяо Си заметил, что его лицо выглядит не лучшим образом, и понял, что сказал что-то не то, что вызвало у него печаль.

Он поспешил отвлечь внимание всех и с улыбкой сказал: «Смотрите, малыш Мяо Мяо улыбается вам, господин Дунфань».

Увидев невинную улыбку ребенка, Дунфань Шу наконец-то отвлекся от тяжелого прошлого и некоторое время дразнил его игрушками.

Когда малышу Мяо Мяо пришло время ложиться спать, Цяо Си и Дунфань Шу попрощались и удалились.

Цяо Си шел рядом с Дунфань Шу, чувствуя, что настроение у того все еще не очень, и молча сопровождал его, пока тот прогуливался по двору.

Внезапно Дунфань Шу заговорил: «Я не очень компетентный отец. Сегодня, когда я увидел, как Сун Шу держит на руках Мяо Мяо, я понял, что на самом деле никогда не держал на руках собственного ребенка».

Цяо Си шагнул вперед и взял его за плечо, мягко сказав: «Господин, возможно, вы и Его Величество многое упустили, но прошлое уже безвозвратно, так почему бы не похоронить его в

своем сердце и просто лелеять настоящее?».

Дунфань Шу некоторое время смотрел на Цяо Си и вздохнул: «Ты хороший мальчик, Его Величеству повезло, что он встретил тебя. Он тебя не заслуживает».

«Господин, не дразните меня», - Цяо Си покраснел.

Дунфань Шу слегка улыбнулся: «Я постараюсь... Забыть прошлое и лелеять настоящее...».

Поле боя на передовой.

Армия достигла половины пути и остановилась на отдых. В императорском шатре Хэ Чжао обсуждал со своими генералами направление следующего похода.

Бэй Чжуо можно было условно разделить на Север и Юг. Границей служит горный хребет Нефритового Дракона, на юге местность ровная, а на севере круто поднимается, превращаясь в горы и плато.

Столица располагалась между речными долинами, и окружающая местность была суровой.

Теперь перед даянским войском было два пути.

Один из них заключался в том, чтобы подняться на возвышенность с горами.

Этот путь требовал длительного обхода, к тому же перед ними были высокие горы, преграждавшие путь. Однако, оказавшись на возвышенности, местность снова станет ровной, что облегчит продвижение армии. Кроме того, если идти по этой дороге к столице, то открывается широкий обзор и можно не беспокоиться о встрече с вражескими войсками.

Другой путь - прямо через каньон Чуткого Дракона.

Этот каньон - последний естественный барьер перед столицей северного короля, и если пересечь каньон, то можно попасть прямо в столицу, сэкономив более десяти дней по сравнению с предыдущей дорогой, да и солдатам будет легче, не нужно подниматься в гору.

Конечно, эта дорога не лишена недостатков. Каньон был глубоким, и если они столкнутся с вражескими войсками, то, скорее всего, будут окружены и попадут в ожесточенную схватку.

Генералы разделились на две группы: те, кто поддерживал идею захвата высоты, и те, кто поддерживал идею перехода через каньон.

Поэтому Хэ Чжао собрал генералов в своем шатре, чтобы обсудить решение.

Хэ Чжао сидел в кресле на возвышении, не произнося ни слова, он просто молча слушал, позволяя генералам внизу горячо спорить.

«Я думаю, нам следует пройти через каньон».

Дуань Юань был прямолинеен и сух по натуре, он был хорош в набегах и быстрых решениях в бою.

«Каньон - это короткий путь, который позволит максимально сохранить силы солдат. Если мы пойдем через нагорье, то люди будут измотаны одним только подъемом, и кого же тогда мы будем использовать для нападения на город?»

Чжэн Руолань не согласился с ним: «Армия Даянь никогда не заходила так глубоко в северную землю, и даже нынешняя карта не гарантирует нам, что она точная. Что если каньон Морского Дракона еще опаснее, чем предполагает карта? Чтобы подстраховаться, мы должны выбрать длинный путь, по крайней мере, с высокогорья открывается вид, и там безопаснее».

Однако один из офицеров Чжэн Руоланя не согласился с ним.

Он сказал: «Хотя я и заместитель генерала Чжэн, на этот раз я согласен с генералом Дуанем. Армия уже давно находится на территории противника, поэтому для достижения победы мы должны сражаться быстро».

Чжэн Руолань нахмурился и ничего не сказал, его не смущало, что люди под его рукой придерживаются отличного от его мнения о применении военной силы.

Из шести присутствовавших генералов трое были за то, чтобы подняться на возвышенность, и трое - за то, чтобы пересечь каньон.

Тогда Его Величеству предстояло решить, что именно делать.

Все генералы смотрели в сторону Его Величества, ожидая, что он отдаст приказ.

Но в этот момент к ним торопливо вошел сержант, выглядевший крайне взволнованным и даже споткнувшийся, когда опустился на колени, чуть не упав.

«Докладываю - Ваше Величество, зерновая палатка внезапно загорелась!»

«Что?»

Внезапно получив плохие новости, генералы не могли усидеть на месте.

Дуань Юань поспешил спросить у сержанта: «Как дела с пожаром? Потушен ли он? Сколько потеряли?»

«Климат сухой, огонь распространяется быстро, и когда солдаты отреагировали, чтобы потушить пожар, вся палатка уже погрузилась в море пламени, и сейчас он едва контролируется, еще не полностью потушен, я не знаю сколько составили наши потери.....».

Но все люди здесь знали, что зерно и трава точно не сохранятся.

Хэ Чжао встал и глубоким голосом скомандовал: «Кто-то наверняка специально устроил пожар, отправьте людей на поимку, всех подозрительных людей, тех, кто сегодня проходил мимо зерновой палатки, всех допросить».

Получив приказ, сержант, сообщивший новость, поспешно удалился и вышел, чтобы передать приказ Его Величества.

А Хэ Чжао бросил взгляд на Чжэн Руоланя.

Сердце Чжэн Руоланя затрепетало, рождая дурные предчувствия.

Но Хэ Чжао ничего ему не сказал, он просто повернулся, потер рукоять меча на поясе и решительно сказал: «После этой заварушки уже невозможно идти в нагорье, когда мы поймаем этого поджигателя, мы сразу же отправимся в путь и пересечем каньон».

У генералов больше не было мнений, и они в один голос ответили: «Да!»

Этой ночью был пойман тот, кто поджег зерно. Им оказался младший солдат под командованием Дуань Юаня, уроженец Цзюньфэна, и, по его признанию, он не делал этого специально, а просто был неосторожен при разведении костра.

Никто ему не поверил, и Хэ Чжао лично приказал его пытать.

Но не известно, в конце концов, то ли организм того человека был слишком слаб, то ли еще что-то, но тот человек так и не признался, потому что, не выдержав пыток, умер.

Получив такой результат, Хэ Чжао надолго замолчал.

Продолжать расследование было нельзя, ведь армии еще предстояло сражаться, а если бы они стали расследовать дело дальше, то это только поколебало бы сердца солдат.

Поэтому Хэ Чжао приказал объявить, что сжигание зерна было чистой случайностью, и, усилив охрану оставшегося зерна, армия без промедления идет через каньон.

По обеим сторонам каньона возвышались высокие и крутые скалы, а центр каньона был покрыт густыми лесами.

Однако после поисков, армия Даянь обнаружила не очень широкую тропу, которая должна была быть дорогой к королевской столице, прорубленной Бэй Чжуо.

Военный мастер подсчитал, что на прохождение каньона у армии уйдет всего один день, поэтому отдыхать на середине пути не придется, и уже завтра к вечеру они придут в королевскую столицу Бэй Чжуо.

Более сорока лет терпения все скоро подойдет к концу.

В это время Бэй Чжуо станет вассальным государством, войдет в их территорию, и армия Даянь станет императорской дивизией, которая будет охранять эти территории за большое вознаграждение.

Неся в себе такие амбиции, солдаты были полны честолюбия и маршировали в несколько раз быстрее.

Но когда шли, вокруг внезапно за клубился туман. Этот туман был странный до крайности, белый, как вуаль, за несколько вдохов времени становится таким густым, что не видно дороги впереди.

Хэ Чжао пришлось приказать остановиться.

Лошади под ними стали беспокойными, постоянно взбрыкивали и фыркали.

«Ваше величество, этот туман действительно неправильный, согласно здравому смыслу, такой может быть только на рассвете. Но сейчас явно полдень, и такой густой туман образовался за короткий промежуток времени, боюсь, мы не сможем продвинуться дальше», - доложили разведчики.

Хэ Чжао огляделся: четверть часа назад он еще мог видеть дорогу впереди, но сейчас он даже не мог разглядеть Дуань Юаня рядом с собой.

«Раз мы не можем идти, пусть армия остановится и отдохнет на месте. Скажите им, что это просто необычный туман в горах, он рассеется через некоторое время, без паники».

Разведчик повел их вниз.

Но все генералы знали, что туман был необычным.

Чжэн Руолань нахмурил брови, в его сердце поселилась холодность: он лучше других знал, что это путешествие будет коварным, ведь перед тем, как отправиться в путь, он получил письмо от деда.

Внезапно со стороны тумана донесся звук рассекаемого воздуха.

Чжэн Руолань обернулся и увидел, что в Дуань Юаня попала стрела.

После того как была выпущена первая стрела, со всех сторон донесся звук разрываемого воздуха.

Хэ Чжао скрипнул зубами: как он мог не догадаться, что на них устроили засаду. Он выхватил меч и, едва полагаясь на слух, стал отбиваться от стрел, которые появлялись из ниоткуда.

Вскоре стрелы поражали все больше и больше людей, а лошади падали на землю с протяжным ржанием.

Слух Чжэн Руоланя обострился, но стрелы сыпались как дождь, плотным слоем, и уклониться от них не было никакой возможности: даже если удастся увернуться от одной, за ней последует следующая.

Стрела летела прямо в его горло.

В этот момент мелькнул меч, и Хэ Чжао разрубил стрелу, спасая ему жизнь.

Но Чжэн Руолань не успел поблагодарить его, так как ему пришлось продолжать защищаться от следующей атаки.

Помогая Чжэн Руоланю отразить атаку, Хэ Чжао одновременно заметил скрытую стрелу позади него, но у него не было лишней руки.

Стрела прилетела с очень хитрого направления, миновав часть брони Хэ Чжао, которая его защищала, и попала прямо в плечевой сустав.

Хэ Чжао взвыл от боли и едва не выпустил меч.

После попадания стрелы, в него полетели еще тысячи стрел.

«Ваше величество!»

Чжэн Руолань, заблокировав стрелу, увидел эту сцену и, даже будучи спокойным, вскрикнул от страха.

-

Речной город Лер.

Цяо Си делал новое ароматическое саше для Хэ Чжао. Хотя в прошлый раз ему не удалось вернуть ароматический мешочек, в котором хранилась его записка, Цяо Си решил, что раз он уже сказал, что сделает новый для Его Величества, то не должен отказываться от своего слова.

В этот раз у него было достаточно времени, и Цяо Си планировал сделать его как следует или, по крайней мере, сделать его более изысканным, чем предыдущий.

В этот момент вошел Ань Хэ и обратился к Цяо Си: «Господин, этот Бэй Чжуо проснулся и сказал, что хочет вас видеть».

«Он очнулся?»,- удивился Цяо Си.

Когда Лянь Цяня привезли, тот лишь слабо дышал, и даже императорский доктор Кан сказал, что пути назад нет.

Неожиданно, что метод даосского мастера так подействовал, но после нескольких дней человек очнулся?

Цяо Си положил ароматический мешочек и встал: «Пойду встречусь с ним».

Лянь Цяня устроили в комнате для гостей. Когда Цяо Си вошел, он все еще был прикован к постели, но его глаза уже были открыты и смотрели прямо на него.

«Действительно проснулся»,- Цяо Си улыбнулся: «У тебя прекрасная жизнь».

Губы Лянь Цяня были бледными, лицо стало изможденным, он горько улыбнулся: «У меня прекрасная жизнь, но не только благодаря тому, что вы меня спасли».

Цяо Си подошел к креслу рядом с кроватью и сел.

На столе рядом стояла пустая миска из-под лекарства. Видимо Лянь Цянь пытался жить.

«Почему ты спас меня?»,- Лянь Цянь пошевелился и, посмотрев на Цяо Си, спросил.

Цяо Си небрежно ответил: «Ты ведь тоже однажды спас меня и пострадал за это, не так ли?»

«Я помню, как ты сказал, что мы вдвоем уже прояснили ситуацию», - Лянь Цянь несколько раз кашлянул: «Ты снова спас меня, значит ли это, что я снова в долгу перед тобой?»

Цяо Си ответил: «Если тебе нужно отплатить за услугу, я с радостью приму ее».

Лянь Цянь, вернувший себе жизнь, все еще был нескромен, он сказал: «Отплатить нечем, так что как насчет расплатиться с тобой своим телом?»

«Э-э-э.....», - Цяо Си почесал висок: «Забудь об этом, выздоравливай, я уйду первым», - он встал, собираясь уйти.

«Цяо Си!», - внезапно окликнул его Лянь Цянь.

Оглянувшись, Цяо Си увидел, что он отбросил свою смешливую игривость и стал серьезным.

«У тебя слишком доброе сердце, я всего лишь изгой, даже те, кто связан со мной кровным родством, бросили меня, как будто я ничтожество, но ты готов спасти такого чужака, как я», - Лянь Цянь продолжил: «Я буду помнить».

Цяо Си на мгновение задумался и успокоил его: «Не будь самонадеянным, раз уж они тебя бросили, можешь больше не беспокоиться об этом, просто считай, что с этого момента твоя кровная связь прервалась».

«Ты знаешь, почему Бэй Чжуо бросили меня?», - уголок рта Лянь Цянь изогнулся.

Цяо Си подумал, что после всего этого у него, должно быть, накопилось много слов, которые он хотел сказать, поэтому он некоторое время просто слушал.

«Не знаю, почему?»

«Из-за скромного происхождения моей матери она изначально была служанкой и была переведена в королевский двор, чтобы служить королю Бэй Чжуо. В это время она была насильно взята королем из-за своей внешности».

«Подобные вещи происходят постоянно, и слуги, которые служат, не получают никакой компенсации или титула после того, как их облагодетельствовали, и со временем их все равно отправляют обратно в свои семьи. Но моя мать узнала, что беременна, вскоре после своего возвращения».

«У моей матери изначально был муж, и ее муж в глубине души знал, что я не его ребенок, поэтому он отвел мою мать в королевский двор, чтобы она обратилась к королю. Чтобы улучшить настроение этого человека, король Бэй Чжуо включил мою мать в свой гарем и подарил ему десять ягнят в качестве компенсации».

Говоря об этом, Лянь Цянь холодно фыркнул: «Но король не считал, что ребенок в чреве моей матери — это его семя, только то, что мужчина выдумал ложь, и хочет предложить свою жену в обмен на ягнят просто так».

«Но ему все-таки нравилась внешность моей матери, и он согласился взять ее. Так я и вырос, под подозрением короля, а когда мать умерла, я полностью потерял свое убежище. Если учесть, что король Бэй Чжуо собирался начать войну с Даянь, то невыгодный второй принц стал лучшим расходным материалом».

«Король попросил меня возглавить армию. Поначалу я думал, что он наконец-то хочет что-то дать мне. Но оказалось, что он дал мне лишь десятки разномастных солдат и велел пробираться в Даянь в Цзюньфэн и доставлять им послания».

Услышав это, Цяо Си наконец понял, почему Лянь Цянь, будучи принцем Бэй Чжуо, явился в горы Цзюньфэна в качестве разбойника.

Лянь Цянь продолжил: «Однако к тому времени, как я передал карты Цзюньфэна несколько людей вокруг меня попытались убить меня, пока я спал.»

«Я убил двоих из них, оставив в живых одного, а когда допросил, понял, что они подчинялись приказу короля. Если я буду жив, Бэй Чжуо будет иметь свое подразделение и либо пошлет войска, либо заключит мир, а если нет, то даже просто сэкономить немного серебра и еды все равно хорошо».

Лянь Цянь опустил глаза, скрывая непонятное выражение.

«Узнав об этом, я полностью разочаровался в короле, и я стал действительно просто бандитом на этой горе....., который случайно столкнулся с тобой».

Сказав это, Лянь Цянь поднял глаза и посмотрел на Цяо Си: «Эй, не смотри на меня так, не жалея меня».

Цяо Си опомнился и вздохнул: «Я и не жалел».

После минутного молчания Цяо Си спросил: «Тогда что ты планируешь делать дальше?»

Лянь Цянь покачал головой: «У меня нет дома, куда бы я мог вернуться, может быть, отправлюсь странствовать».

Пока они разговаривали, внезапно вошел Ань Хэ.

Увидев его панический вид, Цяо Си спросил: «Что-то случилось?»

Ань Хэ потупился и задыхался: «Да, это Его Величество, с ним что-то случилось!».

«Два дня назад генерал Лу получил известие с фронта о том, что армия на полпути к столице Бэй Чжуо и находится всего в пятидесяти милях от нее, и, обсудив это, они решили пойти через каньон Чуткого Дракона и одним махом захватить королевскую столицу».

«Но после получения этого сообщения за последние два дня не вернулось ни одного летающего голубя или разведчика, генерал Лу также отправил людей, но все новости, которые вернулись, были о том, что нет никаких признаков армии».

Цяо Си вскочил, его сердце билось как барабан, но еще был шанс: «Может быть, армия уже прибыла в королевскую столицу и находится в самом разгаре битвы, поэтому они не удосужились отправить сообщение?»

Но как только он закончил говорить, Цяо Си тоже понял, что его слова не имеют смысла, даже если бы армия была занята боем, послать разведчика обратно не составит труда.

Ань Хэ ответил: «Нет, чтобы обеспечить безопасность Его Величества, генерал Лу даже отправил своих хорошо обученных духовных кошек, чтобы передать сообщение. Они быстро передвигаются и могут преодолеть сто миль за ночь, но они до сих пор не получили никаких новостей от Его Величества».

В этот момент вмешался Лянь Цянь: «Ваш император, должно быть, поторопился войти в каньон. Не отправляйте письмо, это пустая трата сил, ответа точно не будет».

«Что ты имеешь в виду?»

Цяо Си не понравилось, что он так отзывается о Хэ Чжао, и он сердито посмотрел на него.

Лянь Цянь невинно пожал плечами: «Не надо на меня так пялиться, не я же велел вашему императору входить в каньон. Он сам не был осторожен, как ты можешь винить меня?»

«Каньон Чуткого Дракона - последний барьер на пути к столице Бэй Чжуо, а столица известна как Священный Город среди северных людей только потому, что для того, чтобы попасть в столицу короля, нужно пройти через невероятно коварный Каньон Чуткого Дракона», - объяснил Лянь Цянь.

«Каньон заполнен туманом, и только люди Бэй Чжуо, знакомые с его рельефом и климатом,

могут определить, когда туман появляется и рассеивается. Если чужак войдет туда неподготовленным, он обязательно заблудится в тумане. Если в это время там будет засада, то это будет верная гибель».

Чем больше он говорил, тем сильнее замирало сердце Цяо Си.

Видя, что Цяо Си так волнуется, что, казалось, вот-вот прольет слезу, Лянь Цянь вздохнул: «Хочешь, я тебе помогу?»

Глаза Цяо Си загорелись: «Ты знаешь этот каньон?»

«Конечно». Лянь Цянь с трудом сел: «Люди Бэй Чжуо бросили меня, так что мне нет нужды защищать их, не так ли? Но у меня есть одно условие».

Лянь Цянь поднял палец и указал им на Цяо Си.

«Ты должен следовать за мной, иначе я не смогу предложить свою помощь».

Не ожидая от него такой просьбы, Ань Хэ сказал: «Нет, тело господина не выдержит такого опасного путешествия. И почему мой господин должен следовать за тобой, он не знает боевых искусств?».

Однако Лянь Цянь настаивал: «Потому что только тогда я смогу убедить его, что помогаю только ему, а не Империи Даянь. Я в долгу перед ним, а не перед Даянь, не перед вашим императором».

Сказав это, Лянь Цянь уставился на Цяо Си, ожидая от него ответа.

Цяо Си не стал медлить: «Я пойду».

Ань Хэ был поражен и отговаривал: «Господин, вы же беременны, как вы можете идти на войну?»

Цяо Си положил руку на колено и сжал кулак: «Но я не могу так просто оставить Его Величество».

Затем он потрогал свой живот: «Я буду осторожен».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14649/1300700>